

Эссив, латив и пролатив: «ЛОКАТИВНЫЙ» ПАДЕЖ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков есть т. н. «местный» падеж, или **локатив**, **-la*¹. В отличие от других пространственных падежей², а) он, как правило, совмещает сразу несколько пространственных функций; б) набор его функций не вполне тривиален и варьирует по языкам; в) для него характерно не иметь «собственной» специализированной функции: в большинстве или во всех основных употреблениях он конкурирует с одним или несколькими другими пространственными падежами.

Локатив может кодировать следующие пространственные семантические роли: 1) роль **Места** (*где?*; далее **эссивная** функция локатива), 2) роль **Цели** (*куда?*; **лативная** функция) и 3) роль **Пути** (*по чему? через что?*; **пролативная** функция).

Поскольку в разных языках эти значения представлены в разных комбинациях, интересно выяснить, как устроены диахронические и семантические связи между ними: каково исходное значение локатива, какие значения и каким образом развиваются позже. Все значения, зафиксированные у тунгусо-маньчжурского локатива, могут встречаться в языках мира попарно, синхронно совмещаясь в одном показателе: Место+Цель (см., например, [Cresseils 2006: 22]; [Noonan 2008: 269—270]; [Pantcheva 2010: 1043—1047]), Место+Путь, Цель+Путь (см. [Ганенков 2002: 42—46]). Более того, в разных языках для одной и той же из перечисленных комбинаций направление семантического развития может быть разным. Таким образом, общих типологических предпосылок, заставляющих априори предположить какой-то из диахронических сценариев в качестве наиболее вероятного для тунгусо-маньчжурского локатива, как кажется, нет. «Внутренние» же данные тунгусо-маньчжурских языков, если они позволят это сделать, наоборот, оказываются полезны в более широком — типологическом и теоретическом — контексте семантической эволюции пространственных показателей.

Особенно интересна с этой точки зрения пролативная функция локатива. Реже оформляемая в языках мира морфологически, семантическая роль Пути в целом — и в частности с точки зрения семантической эволюции соответствующих показателей — исследована значительно менее, чем «ключевые» пространственные роли Места и Цели.

В работе будет дан краткий обзор функций локатива в тунгусских языках и выдвинута гипотеза о диахроническом сценарии семантического развития этого показателя. Подробно будет разобран материал нанайского языка. Достойным более пристального внимания он кажется потому, что, во-первых, в нанайском языке в том или ином виде представлены все три типа основных употреблений локатива, во-вторых, центральной оказывается в нем пролативная функция, упомянутая выше как представляющая наибольший интерес в более широком теоретическом контексте. Данные нанайского языка позволяют проследить процесс семантического развития локативного падежа «на микроуровне» и, в частности, дополнить предлагаемый диахронический сценарий предположениями о том, какие именно семантические особенности исходных его употреблений позволяют развиваться позднейшим.

1. Локативный падеж в тунгусо-маньчжурских языках

В качестве падежной флексии показатель *-la* (**-lā*) представлен во всех тунгусских языках, в маньчжурских — только в застывших формах нескольких пространственных наречий, см. [Цинциус 1948: 524], [Benzing 1955: 84], [Суник 1983: 210—225]. Как сказано выше, основные употребления локативного падежа составляют лативное (Цель движения), эссивное (Место) и пролативное (Путь), представленные в разных языках в разных комбинациях. Ниже приведена таблица с данными по набору употреблений локатива в конкретных языках (данные взяты из соответствующих грамматических описаний, ссылка приводится в таблице в квадратных скобках).

¹ Так мы и будем условно называть его далее применительно ко всем языкам, хотя это название не всегда кажется оптимальным.

² Об инвентаре и функциях пространственных падежей в тунгусо-маньчжурских языках см., например, в [Суник 1982: 210—224].

Таблица 1

Функции локатива в тунгусо-маньчжурских языках

	лативная (ЦЕЛЬ)	эссивная (МЕСТО)	пролативная (ПУТЬ)
негидальский [Цинциус 1982: 20, 27]	+	–	–
эвенкийский [Bulatova, Grenoble 1999: 10]	+	–	–
эвенский [Malchukov 1995: 9—10]	+	+	–
удэгейский [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 124—125]	+	+	–
орокский [Петрова 1967: 41—42, 48]	+	+	+
нанайский [Аврорин 1959: 181—182]	+	(+)	+
письменный маньчжурский [Аврорин 2000]	*	*	*

Если сопоставить эти данные с генетической классификацией тунгусо-маньчжурских языков, картина будет выглядеть следующим образом:

Схема 1

Генетическая классификация ТМЯ и употребления локатива

северные:

эвенкийский, негидальский: ЦЕЛЬ

эвенский: = МЕСТО+ЦЕЛЬ

южные:

удэгейский: = МЕСТО+ЦЕЛЬ

орокский, нанайский: МЕСТО+ЦЕЛЬ+ПУТЬ

орокский: МЕСТО+ЦЕЛЬ+ПУТЬ

нанайский: ((МЕСТО))+ЦЕЛЬ)+ПУТЬ

маньчжурские: локатив отсутствует

Такая картина дает следующий логически наиболее правдоподобный диахронический сценарий. Для прототунгусо-маньчжурского этапа точный набор значений локатива не реконструируется. Для прототунгусского состояния у локатива фиксируется сразу два исходных значения — эссивное и лативное (так как они присутствуют в этой комбинации в языках как северной, так и южной группы), установить, какое из них первично, не удастся.

Примечание. В [Новикова 1960: 226—227] (на материале эвенского языка) указывается на связь соответствующего падежного показателя с номинализатором *-la* со значением ‘место действия’ и реконструируется существительное **la* со значением ‘место’, от которого гипотетически происходят оба показателя. Такая гипотеза (оставаясь при этом не более чем гипотезой) заставляет считать исходным эссивное значение локатива.

Далее в языках северной группы либо сохраняется исходная комбинация (эвенский), либо утрачивается эссивное значение локатива (эвенкийский, негидальский). В языках южной группы также либо сохраняется исходная комбинация (удэгейский), либо к ней добавляется значение пролатива (из какого именно из исходных значений в рамках такого сценария, соответственно, непонятно):

— стадия 1: МЕСТО+ЦЕЛЬ (исходные значения локатива);

— стадия 2: ПУТЬ (более позднее значение локатива).

Примечание. Генетическая классификация тунгусо-маньчжурских языков проблематична сама по себе (ср. дискуссию в [Цинциус 1949: 7—35], [Василевич 1960], [Doerfer 1978], [Vovin 1993], [Whaley et al. 1999], [Georg 2004] и др.). Тем не менее, единство маньчжурской, северной и южной групп, а также, что в данном случае важно, более тесные связи между эвенкийским и негидальским, с одной стороны, и нанайским и орокским, с другой, так или иначе признается в большинстве работ.

Далее мы подробно рассмотрим данные нанайского языка с точки зрения того, 1) насколько они укладываются в предложенный сценарий; 2) как в нем реализуется стадия 2 — развитие пролативного значения; 3) можно ли установить, с каким из предположительно исходных значений локативного падежа пролативное значение связано теснее; 4) каков семантический механизм развития пролативного значения.

Как было сказано выше, в эссивной и лативной функциях локативный падеж, как правило, конкурирует с основными показателями соответствующих семантических ролей — специализированным эссивом/«дативом» и специализированным лативным («директивным») падежом.

Что касается эссивной функции, то тут разграничение со специализированным падежом проходит по-разному в разных языках, отчетливого единства в этой области на первый взгляд не наблюдается. Например, для орокского в [Петрова 1967: 48] оно описывается в терминах «местоположения объекта» (эссив) vs. «места распространения действия» (локатив). В удэгейском употребление эссива vs. локатива отчасти идиосинкратично распределено по существительным, отчасти отражает противопоставление по локализации (локализация IN — скорее эссив, локализация ON — скорее локатив), также в [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 125] описывается любопытное частное различие для существительного *zugdi* ‘дом’: при глаголе ‘жить’ оформление его локативом предполагает значение ‘жить у кого-то, в чужом доме’ (тем же падежом оформляются имена лиц, в значении ‘у кого-то, в чьем-то доме’). Для эвенского в [Malchukov 1995: 10] отмечается противопоставление по контролируемости: так, при глаголе ‘стоять’ Место будет оформлено эссивом, если стоит *человек* (контролирующий ситуацию местонахождения), если же субъект неволитивный, *стол*, то возможен будет только локатив.

Для лативной функции картина куда более однородна и ясна. В [Петрова 1967: 48] для орокского приводятся контрастивные контексты типа *бросить в грудь* — латив, *колоть в грудь* — локатив. В [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 125] для удэгейского различие формулируется как ‘движение в сторону X’ — латив, ‘движение внутрь X’ — локатив. В [Цинциус 1982: 27] перечисляются «падежные вопросы» *к кому / чему* для латива и *в кого / что, на кого / что, до кого / чего* для локатива в негидальском. В [Bulatova, Grenoble 1999: 10] говорится о значениях «направления движения» для латива vs. «конечной цели движения» для локатива в эвенкийском (в статье [Grenoble 2013] то же противопоставление описывается в признаковых терминах {+Goal, +Specified}, {-Goal, -Specified}). В [Malchukov 1995: 10] отмечаются лексические ограничения на употребление локатива в лативной функции: только при некоторых предельных глаголах, как правило т. н. goal-oriented. То есть в целом применительно к тунгусским языкам можно сказать, что различие в употреблении специализированного направительного падежа и локатива касается наличия / отсутствия **контакта** между Траектором и Целью, противопоставление, описываемое иногда в терминах **ориентатива** ((ад)версатива) vs. **терминатива** (лимитатива), ср. [Haspelmath 2008: 515]. Если специализированный падеж тяготеет к тому, чтобы выражать, скорее, «ориентативное» значение ‘движение в сторону X’, то локатив — к тому, чтобы маркировать ситуации, предполагающие последующий **контакт** с Ориентиром, — ‘двигаться в сторону X и достигнуть его’. Семантический компонент контакта между Траектором и Ориентиром будет ниже неоднократно упоминаться в разных контекстах применительно к нанайскому материалу.

2. Локатив в нанайском языке: общие сведения

В нанайском языке локативный падеж (*-la* при основе на гласный, *-dola* при основе на согласный, с сингармонирующими вариантами *-lə / -dulə*) имеет все три из упоминавшихся выше употреблений: эссивное, лативное и пролативное. При этом статус этих употреблений очень разный.

1) Эссивное употребление

Этот тип употреблений в нанайском языке (в отличие от некоторых других тунгусо-маньчжурских, см. выше) представлен рудиментарно. Роль Места кодируется локативом со значительными лексическими ограничениями. В этой функции локатив выступает а) при послелогох, (1)—(2), б) при «пространственных именах», особом подклассе существительных с локативной семантикой (3).

(1) а. *dərə oja-la-ni* (стол на-LOC-3SG) — ‘на столе’

б. *dərə oja-če-a-ni* (стол на-LAT-OBL-3SG) — ‘на стол’

(2) а. *dərə pəgiə-lə-ni* (стол под-LOC-3SG) — ‘под столом’

б. *dərə pəgiə-či-ə-ni* (стол под-LAT-OBL-3SG) — ‘под стол’

(3) *boa-la* ‘на улице’, *waja-la* ‘на берегу’, *dua-lə* ‘в тайге’ и нек. др. (см. список в [Аврорин 1959: 201])

Оба класса слов закрытые и в целом обладают редуцированным набором (используемых) падежных форм, слова обоих классов очень частотны. То есть такие употребления можно считать «застывшими» или близкими к таковым. В [Аврорин 1961: 201] *-la* в эссивной функции рассматривается как словообразовательный показатель, на синхронном уровне не тождественный падежному показателю *-la*, оформляющему обычные существительные, а соответствующие образования с ним — отдельными, «наречными» лексемами. Для обычных существительных эссивная интерпретация локатива невозможна: роль Место при них выражается показателем *-do*, совмещающим функции эссива и датива (ср. *žog-do* ‘в доме’). Далее эссивное употребление локатива подробно рассматриваться не будет.

2) Лативное употребление

Употребление локатива как показателя Цели в нанайском языке также очень ограничено. Так, оно возможно для аргумента глагола *ese-* ‘достигать, добираться до’ (4), но, например, не глагола *ži-* ‘приходить’.

- (4) *mərgən=təni goj exon-dola ese-xa-n'*
 мерген=же другой село-LOC добираться-PST-3SG
 ‘Мэргэн дошел до другого селения’³.

Основной показатель лативного значения — падежный маркер *-či*, а за пределами падежной системы также конструкция с послелогом *bāroni*. Об этом типе употреблений см. подробно в п. 5.1.

3) Пролативное употребление

Маркировать роль Пути — основная функция локатива в нанайском. В этом употреблении, в отличие от прочих двух, он не имеет конкурентов в падежной системе: в нанайском языке нет когнатов специализированных пролативных маркеров *-ki* и *-li*, зафиксированных в других тунгусо-маньчжурских⁴. Это, видимо, и обеспечивает локативу экспансию пролативного значения, нехарактерного для него в большинстве тунгусо-маньчжурских языков.

Функции локативного падежа в нанайском языке с той или иной степенью подробности перечисляются в грамматике [Аврорин 1959: 181—182], в монографии по синтаксису нанайского языка [Аврорин 1981: 173—181] и в краткой специальной статье [Киле 1981].

Рассмотренная вкратце картина употреблений падежа на *-la* в нанайском языке заставляет задаться следующими вопросами. Какие именно разновидности пролативного значения способна или не способна выражать эта падежная форма? Можно ли, исходя из этого, установить, с каким из типов «общетунгусских» значений локатива — эссивного или лативного — оно семантически и диахронически связано? Могут ли эти данные расширить типологические представления о семантической эволюции пролативных показателей в целом?

3. Семантическая зона пролатива в нанайском языке: локатив и другие средства выражения

3.1. Возможности употребления локатива и конкуренция с другими показателями в разных пролативных контекстах

Ниже последовательно рассматриваются отдельные пролативные контексты, выбранные на основе типологической классификации семантической зоны пролатива из работы [Ганенков 2002]. Для каждого указано, может ли в этом контексте употребляться падеж на *-la* и есть ли другие средства, употребляемые наряду с ним.

Представленные ниже данные получены преимущественно путем элицитации от четырех носителей найхинского говора и двух носителей горинского говора нанайского языка (существенных различий по говорам в этой области не наблюдается).

1) Маршрут

В контекстах Маршрута типа *идти по дороге, плыть по реке* локатив употребляется. В этой функции наряду с ним возможен также аккузатив *-wa*⁵.

- (5) *Arčokan pokto-la / ^{OK}pokto-wa ənə-j-ni*
 девочка дорога-LOC / дорога-ACC идти-NPST-3SG
 ‘Девочка идет по дороге’ (элицит.).

³ Примеры здесь и далее (если не указано обратное) — из текстов, собранных С. Оскольской, К. Крапивиной и автором в 2009, 2011, 2012 гг., Хабаровский край.

⁴ Специализированный пролативный падеж *-ki* отмечен в южных тунгусских языках (орокском, ульском), *-li* — в северных и в удэгейском.

⁵ В этом контексте, видимо, следует, таким образом, рассматривать глаголы движения как «слабопереходные». На то, что аккузатив маркирует в данном случае именно объектную позицию, указывает тот факт, что наряду с аккузативом возможно и неоформленное имя, т. е. этот контекст вписывается в круг контекстов, для которых наблюдается явление differential object marking, в целом характерное для нанайского языка.

- (6) *pokto-la-si ži-ži-ni, simbi-ə wā-go-j ta-j-ni*
 дорога-LOC-2SG приходить-NPST-3SG 2SG.ACC-ACC убить-DEST-REFL.SG делать-NPST-3SG
 ‘По твоим следам (букв. по твоей дороге) идут (люди), хотят тебя убить!’

В большинстве случаев локатив и аккузатив в этой функции свободно варьируют. Некоторые конкретные контексты тяготеют скорее к одному из них. В некоторых контекстах между локативом и аккузативом фиксируется слабое семантическое различие. Его можно сформулировать следующим образом. Для локатива в фокусе внимания оказывается собственно пространственное значение ‘покрытия поверхности’. Для аккузатива — в большей степени непространственное значение ‘выбора пути’. Как кажется, этим объясняется разница в следующих примерах:

- (7) *Təj pokto-wa / ???pokto-la ənə-j-ni*
 тот дорога-ACC / дорога-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Она идет по той дороге (а не по этой)’ (элицит.) {комментарий: = из двух она выбрала ту дорогу}.
- (8) *Duəntə-lə / duəntə-wə žog-či ənə-xə-ni*
 лес-LOC / лес-ACC дом-LAT идти-PST-3SG
 ‘Она пошла домой через лес’ (элицит.) {комментарий: *duəntə-lə* (локатив) — ‘все время будет идти по лесу’ / *duəntə-wə* (аккузатив) — ‘лес — возможно, только один (заметный, узнаваемый) из этапов пути’}.

Та же разница видна в следующей паре примеров: *pokto-la* в (9) — ‘поверхность дороги’, *pokto-wa* в (10) — абстрактное ‘путь’:

- (9) *Buə ərkian pokto-la / *-wa ənə-j-pu*
 мы плохой дорога-LOC/-ACC идти-NPST-1PL
 ‘Мы идем по плохой (разбитой, неровной) дороге’ (элицит.) — локатив.
- (10) *Buə maŋga pokto-wa / *-la ənə-xə-pu*
 мы трудный дорога-ACC/-LOC идти-PST-1PL
 ‘Мы проделали трудный путь’ (элицит.) — аккузатив.

С этим же различием можно связать тот факт, что локатив, а не аккузатив предпочитается носителями в менее конвенционализированных контекстах (не таких как *po doroge*, *po reke*), ср.:

- (11) *Kəksə gujčə-lə ənə-j-ni*
 кошка крыша-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Кошка идет по крыше’ (элицит.).
- (12) *Kolan koŋsa-la ənə-j-ni*
 червяк корзина-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Червяк ползет по корзине’ (‘элицит.).

2) Проход

Локатив также оформляет разные типы ориентиров-проходов. В частности, а) «промежуточные пространства»:

- (13) *Siŋərə žog-či takto-la ī-xə-ni*
 мышь дом-LAT амбар-LOC войти-PST-3SG
 ‘Мышь пролезла в дом через амбар’ (элицит.).

б) вытянутые «соединяющие» объекты типа труб, лестниц, мостов:

- (14) *əm soleka=tani <...> kolan-dola-ni niə-gu-xə-ni*
 один лиса=же <...> труба-LOC-3SG выходить-REP-PST-3SG
 ‘Одна лисичка <...> через трубу вылезла’.
- (15) *Naonžokan tokkon-dola gujčə oja-če-a-ni tō-xə-ni*
 мальчик лестница-LOC крыша поверхность-LAT-OBL-3SG подняться-PST-3SG
 ‘Мальчик влез на крышу по лестнице’ (элицит.).

в) отверстия:

(16) *Sijərə dal'an sajar-dola-ni ī-xə-ni*
мышь мешок дыра-LOC-3SG войти-PST-3SG
'Мышь залезла в мешок через дырку (букв.: через дырку мешка)' (элицит.).

(17) *Gə təj pāwa-la icə-ži-ni=go*
вот тот окно-LOC смотреть-NPST-3SG=PART
'Вот, он смотрит в (= через) это окно'.

В функции Проход локатив иногда также может сопровождаться пролативным наречием *luŋktu* 'насквозь'. В частности, такой способ выражения предпочтителен в случае г) движения сквозь субстанцию, которую тоже можно отнести к разновидностям функции Проход.

(18) *Siun garpa-ni taoxa-la luŋktu ī-ri-ni*
солнце свет-3SG стекло-LOC сквозь входит-NPST-3SG
'Солнечный свет проходит через стекло' (элицит.).

В том же контексте в сопровождении того же наречия может употребляться также аккузатив. Некоторыми носителями вариант с аккузативом указывался как предпочтительный.

Круг употреблений наречия *luŋktu* не проверялся последовательно, однако предварительные данные обнаруживают следующую тенденцию:

Таблица 2

Одиночный локатив vs. локатив в контексте наречия *luŋktu*

тип Ориентира	локатив	локатив + <i>luŋktu</i>
маршрут	ОК	
проход-труба	ОК	?? (отвергается носителями и не обнаружено в текстах)
проход-отверстие	ОК	?ОК (обнаруживается в текстах, (19), но признается не всеми носителями)
проход-среда	?? (отвергается носителями)	ОК

(19) *Əugə-i žara-go-ra, pāwa-la luŋktu pagžeala-go-xa-ni*
клещи-REFL.SG брат-REP-CVBNSIM окно-LOC насквозь побегать-REP-PST-3SG
'Взял свои клещи и убежал через окошко' (тексты [Аврорин 1986: 23]).

Чистый локатив тяготеет к тем контекстам типа Проход, которые ближе к Маршруту, т. е. предполагающие длительное соприкосновение Траектора с Ориентиром (*через/по трубе*), акцентируется движение по ориентиру. Наречие *luŋktu* — к тем, где ситуация может быть осмыслена как пересечение Ориентира, а не движение по нему.

Есть еще два контекста, примыкающих к типу Проход:

г) с ориентиром-множеством (значение 'пройти между, среди'), в этом контексте локатив возможен:

(20) *Sijərə <...> nai bəgži-lə-ni ī-xə-ni*
крыса <...> человек нога-LOC-3SG входит-PST-3SG
'Крыса прошмыгнула между ног людей' (тексты [Аврорин 1986: 85]).

(21) *Samal'ot təwəksə-lə ənə-j-ni*
самолет облако-LOC идти-NPST-3SG
'Самолет летит в облаках (в окружении облаков)' (элицит.) {комментарий: *təwəksə-lə luŋktu* — 'сквозь облако'}.

д) промежуточный пункт ('via X'):

(22) *Mara Harpečan-doki хотон-či Kondon-dola ənə-j-ni*
старик Харпичан-ELAT город-LAT Кондон-LOC идти-NPST-3SG
'Старик едет из Харпичана в город через Кондон' (элицит.).

Подобные примеры признаются, впрочем, не всеми носителями (в качестве альтернативы предлагается описательная глагольная конструкция *приехав в X, едет в Y*) и, возможно, являются калькой с русского (*через*).

3) Сцена

В контекстах Сцены ('двигаться в разные стороны, туда-сюда внутри пространства', типа *бродить по лесу, плавать по озеру*) преимущественно используется не локатив, а аккумулятив или эссив, ср. (23):

- (23) *Amoan-du gasa-sal pao-re-či*
озеро-ESS утка-PL плавать-NPST-3PL
'По озеру плавают утки' (элицит.).

Локатив предпочитается им, только если контекст можно интерпретировать и как Сцену, и как Маршрут: например, когда ориентир — вытянутый объект, как в (24):

- (24) *Geasa-la / ?geasa-do kəksə pulsi-j-ni*
забор-LOC / забор-ESS кошка гулять-NPST-3SG
'Кошка ходит по забору' (элицит.).

С большей легкостью контексты Сцены или близкие к ним оформляются локативом, если речь идет о поверхности Ориентира: ср. разницу в употреблении локатива и эссива, отмечаемую информантами для Ориентиров-помещений и вместилищ (для которых дефолтной является локализация IN):

- (25) *Sijərə-səl takto-do tutu-əči-i-či*
мышь-PL амбар-ESS бежать-IPFV-NPST-3PL
'По амбару бегают мыши' (элицит.) — нейтральная интерпретация: 'внутри амбара'.

- (26) *Sijərə-səl takto-la tutu-əči-i-či*
мышь-PL амбар-LOC бежать-IPFV-NPST-3PL
'По амбару бегают мыши' (элицит.) — наиболее естественная интерпретация: 'по стенам амбара'.

Рассмотрим также значения, непосредственно примыкающие к пролативной зоне и типологически способные оформляться пролативными маркерами.

4) Преграда

В контекстах типа 'пересечь X' выступает обычно специализированный глагол (*dao-*, *dale-*, *xuəli-* 'пересекать'), требующий при себе аккумулятива:

- (27) *Arčokan pokto-wa / *pokto-la dale-xa-ni*
девочка дорога-ACC / *дорога-LOC пересечь-PST-3SG
'Девочка перешла дорогу' (элицит.).

- (28) *ča-a taja-ži=tani təj enda-ži=tani xaj əj Xungari bāro-ni dao-xa-ni*
этот-ACC противоположная.сторона-ELAT=же тот собака-INS=же что этот Хунгари к-3SG перейти-PST-3SG
'Перешел ее (реку) на собаках с противоположной стороны в сторону Хунгари'.

Лексически нейтральному глаголу движения валентность Преграды, также оформляемую аккумулятивом, добавляет наречие *xuəl* (локализация при этом может быть разной, ср. (29) и (30)).

- (29) *Moren geasa-wa xuəl puijku-gu-xə-ni*
лошадь забор-ACC через прыгать-REP-PST-3SG
'Лошадь перепрыгнула через забор (= сверху)' (словарь [Оненко 1980: 485]).

- (30) *buə jarako-kam-po-a xuəl-xuəl-xuəl-xuəl puijku-j-č=goan'a*
мы сеть-DIM-1PL-ACC через-через-через-через прыгать-NPST-3PL=PART
'Через нашу сеточку (= внутри) прыгают и прыгают'.

Локатив в подобных контекстах не употребляется.

5) Обочина

Роль Обочины ('двигаться вдоль X, сбоку от X, по обочине X') не выражается локативом, ее оформляют конструкции с пространственными именами / послелогоми разной степени грамматикализации (например, *keran* 'берег') или с наречием *jorgopči* (и винительным падежом).

Одна из разновидностей этого значения, однако, может оформляться локативом. Это значение 'мимо X':

- (31) *Samal'ot Buri-lə ənə-j-ni*
 самолет Хабаровск-LOC идти-NPST-3SG
 'Самолет пролетает Хабаровск (над Хабаровском)' (элицит.) {но не в значении: 'не заметить, пролететь мимо, не опустившись'}.

3.2. Локативный падеж как показатель пролатива: общая картина

Приведенные выше сведения по употреблению локатива для выражения роли Путь резюмируются в сводной *Таблице 3*.

Таблица 3

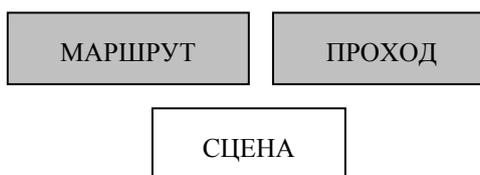
Оформление значений семантической зоны пролатива в нанайском языке

	подзначения	локатив	альтернативные средства
МАРШРУТ		+	аккузатив
ПРОХОД	собственно проход	+	
	отверстие	+	(локатив + наречие <i>luŋktu</i>)
	субстанция	(+)	локатив + наречие <i>luŋktu</i>
	множество ('между X-ами', 'среди X-ов')	+	
	промежуточный пункт ('via X')	?	перифрастическая глагольная конструкция
СЦЕНА		–	эссив, аккузатив
ПРЕГРАДА		–	специализированный глагол + аккузатив, аккузатив + наречие <i>xuəl</i>
ОБОЧИНА	обочина ('вдоль X')	–	послелого (букв.: <i>по краю X</i> и под.), наречие <i>jorgopči</i>
	'мимо X'	+	

Подводя итог, можно сказать, что локатив покрывает две из центральных разновидностей пролативной зоны — Маршрут (*идти по дороге*) и Проход (*пролезть через трубу*), но не Сцена (*гулять по лесу*), см. *Схему 2*. Причем для значения Проход во всех его разновидностях локатив является основным средством выражения, то есть это значение можно считать центральным для локатива. Для значения Маршрут с локативом конкурирует аккузатив.

Схема 2

Пролативные употребления нанайского локатива

Комбинация Маршрут+Проход кажется интересной в типологическом ракурсе. В [Ганенков 2002] как типологически стабильные приводятся комбинации значений Маршрут + Проход + Сцена, Маршрут + Сцена, Проход + Сцена, то есть все, кроме данной.

Семантическое объяснение этому типу полисемии можно дать через идею **контакта** Траектора с поверхностью Ориентира, общую для значений Маршрута и Прохода (и менее релевантную для значения Сцены).

Нанайские данные вполне вписываются в высказанное выше предположение о диахронической производности значения пролатива и свидетельствуют о том, что исходным для него является скорее лативное значение локатива, нежели эссивное. В пользу этого говорят несколько независимых фактов. Во-первых, эссивные употребления для нанайского языка отчетливо периферийны. Во-вторых, в числе пролативных употреблений локатива практически отсутствуют употребления из зоны Сцена, семантически максимально близкой к эсиву. В-третьих, ключевая для пролативных употреблений локатива идея контакта столь же важна, как мы видели выше, и для его лативных (но не эссивных) употреблений. Возможно, впрочем, более корректно говорить как о диахронически исходном о самом значении контакта и

возводить основные его употребления — лативное и пролативное (а возможно, и эссивное) — непосредственно к этому значению, не пытаясь с надежностью установить (уже более спорные) связи между ними самими.

4. Непространственные околопролативные употребления нанайского локатива

Непространственные употребления локатива формируют компактную группу. Это употребления как раз в тех контекстах, для которых достаточно прозрачна семантическая связь с **пролативным** значением и отмечается типологическая тенденция к выражению специализированными маркерами пролатива⁶. Некоторые из них в отдельности семантически и типологически близки также и к эсиву или лативу (т. е. а ргіогі для них нельзя постулировать связь именно с пролативной зоной). Однако, если взять список типологически характерных вторичных употреблений специализированных пролативных маркеров, выделенных в [Ганенков 2002], то окажется, что он более чем наполовину (9 функций из 15) покрывается нанайским локативом, а непространственные употребления нанайского локатива, в свою очередь, укладываются в него практически целиком.

Ниже приводится список употреблений из [Ганенков 2002] с соответствующим примером на нанайский локатив:

— Точка приложения (Часть) при динамических глаголах типа *ударить* (по спине):

- (32) *Bukun-dulə-ni čarče-la-xa-ni*
горб-LOC-3SG рубить-PFV-PST-3SG
'Ударила его топором по горбу' (тексты [Аврорин 1986: 94]).

- (33) ...*silpon-či oŋbo-la-i čul silpo-psin-ki-ni*
кол-LAT зад-LOC-REFL.SG как.раз втыкать-INCH-PST-3SG
'(Мэргэн) напоролся задом прямо на вертел' (тексты [Аврорин 1986: 91]).

— Точка приложения (Часть) при стативных глаголах типа *держат* (за руку):

- (34) *Marasan žara-ča-i-ni enda-wa xujgu-lə-ni*
Старик брать-RES-NPST-3SG собака-ACC хвост-LOC-3SG
'Старик держит собаку за хвост' (элицит.).

— Признак (*узнать по родимому пятну*):

- (35) ...*mi simbiə-wə bā-go-žam-bi xuktə-si kərməkə-lə-ni*
я ты.ACC-ACC найти-REP-FUT-1SG зуб-2SG обломок-LOC-3SG
'Я найду тебя по сломанному зубу!' (тексты [Аврорин 1986: 79]).

— Координатив (*делать по правилам*):

- (36) *žanŋ'an=tani tərək tərək gean-dola xesanŋ-se-o-ri-ə gəl-i-ni*
дзянгян=же правильно правильно закон-LOC говорить-IPFV-IMP-ACC искать-NPST-3SG
'Дзянгян правильно, по законам, должен говорить'.

— Уровень (*по поясу*):

- (37) *Muə maŋbo-du xujmu-lə bi-i*
вода река-ESS пупок-LOC быть-NPST
'Воды в реке по поясу (букв.: по пупок)' (элицит.).

- (38) *aži mase-la-go-pi, mərgəm-bə muə bāro-ni xawani-la kutu-či-i-ni*
калуга сильный-VBLZ-REP-CVBCOND.SG мэргэн-ACC вода к-3SG подмышка-LOC тащить-IPFV-NPST-3SG
'Калуга напрягла силы и затащила мэргэна в воду по груди (букв.: по подмышки)' (тексты [Аврорин 1986: 147]).

Примечание. Близкое к значению Уровня значение Стандарта выражается в контекстах типа *размером с X*. Они оформляются следующей конструкцией: X + прилагательное размера-*la*-посессивный маркер:

⁶ Инвентарь непространственных употреблений пролатива в языках мира см. в [Ганенков 2002]. Более детальные семантические интерпретации для некоторых из них см., например, на материале русских предлогов *через* и *сквозь* в [Плунгян, Рахилина 1996]; на материале латинского *per* — в [Brucalè, Mocchiò 2011].

- (39) *žo dāi-la-ni žolo-ma kōri o-če-ni*
дом большой-la-3SG камень-ADJ кори стать-PST-3SG

‘Возникла каменная кори величиной с дом’ (тексты [Аврорин 1986: 97]).

В [Аврорин 1959: 116] этот показатель *-la* на синхронном уровне трактуется как субстантиватор (образующий от прилагательного размера существительное типа *величина*, *глубина* и под.). Можно, однако, предполагать для него хотя бы этимологическую связь с локативом *-la*.

— Внутренняя причина (*по болезни*):

- (40) *gəə ča-la=tani tāj Aktanka=tani əgži piktə-gu-j bā-xa*
ну этот-LOC=же тот Актанко=же много ребёнок-DEST-REFL.SG находить-PST

‘Вот поэтому Актанки родили много детей’.

— Причина-оценка (*благодарить / хвалить / ругать за*):

- (41) *Dāi aga agda-xa-ni, ulən uŋ-ki-ni sogdata bū-xən-dulə-ni*
большой брат радоваться-PST-3SG хорошо сказать-PST-3SG рыба дать-PST-LOC-3SG

‘Старший брат обрадовался, поблагодарил старика за рыбу (за то, что тот дал рыбу⁷)’ (элицит.).

— Посредник: роль собственно Посредника типа *передать через кого-то* локативом не выражается, но выражается метафорическая роль Посредника/Источника при передаче информации: *услышать по радио, научиться от родителей*:

- (42) *Mī dolže-xam-bi mədə-wə radio-la*
я слышать-PST-1SG новость-ACC радио-LOC

‘Я услышала новость по радио’ (элицит.).

К значению Посредника близко также выражение *родиться (или произойти) от кого-л.* (= букв.: *родиться через кого-то*):

- (43) *Possar, Aktanka, Bilydy, Gəjkər, Zaksor xala-sal əj tigər-səl-dul balže-xa-či*
Пассар Актанко Бельды Гейкер Заксор род-PL этот тигр-PL-LOC родиться-PST-3PL

‘Рода Пассар, Актанко, Бельды, Гейкер, Заксор произошли от тигров’.

— Обменный эквивалент (*дать / получить / попросить что-то за что-то* [но не *обменять что-то на что-то*]):

- (44) *Mama sole-sal-či gələ-xə-ni, mənə ən'u-ji turin-dulə-ni...*
старуха лиса-PL-LAT просить-PST-3SG REFL котел-REFL.SG плата-LOC-3SG

‘Старуха попросила у лисиц в уплату за свой котел (букв.: своего котла): {«И мне принесите один кусочек»}’ (тексты [Аврорин 1986: 75]).

- (45) *tāj səpə-lə əgži žexa-wa bā-ža-či*
этот соболь-LOC много деньги-ACC найти-FUT-2SG

‘За этого соболя много денег получишь’ (пример из [Аврорин 1959: 182]).

Из непространственных употреблений, не известных как типологически стабильные употребления пролативных маркеров, в [Киле 1981] упоминаются также употребления в значении а) «начального объекта действия» (‘начать делать с *X-a*’, при глаголах, оформленных инхоативным суффиксом) и б) в «отложительном значении» (‘выбрать, взять, добыть что-то *из множества X*’):

- (46) *ñoan-dola-či tāj ət naj-wa bā-xa-pu*
он-LOC-3PL только один человек-ACC взять-PST-1PL

‘Из них мы взяли только одного человека’ [Киле 1981: 31].

- (47) *Tāj xurə-kən-dulə mō-wa tugbu-lu-u-ri*
этот гора-DIM-LOC дерево-ACC валить-INCH-IMPS-NPST

‘С той сопочки начнем валить лес’ [Киле 1981: 32].

Примеры и достаточно подробное описание непространственных значений локатива см. также в [Аврорин 1981: 173—176; Киле 1981].

⁷ Локативом здесь маркировано причастие — форма, стандартно оформляющая разные типы зависимых клауз.

В Таблице 4 перечислены значения, типологически близкие к пролативному, из списка, приводимого в [Ганенков 2002], которые в нанайском языке локативным падежом обслуживаться не могут.

Таблица 4

**Типологически близкие к пролативному значения,
которые не обслуживаются нанайским локативом**

контекст	показатель в нанайском
Инструмент (<i>забить молотком</i>)	инструменталис <i>-ʒi</i>
Средство передвижения (<i>лететь на самолете</i>)	
Цена (<i>купить за два рубля</i>)	
Срок (<i>жить два года</i>)	аккузатив <i>-wa</i>
Временной интервал (<i>приехать через год</i>)	
Тема (<i>думать о, скучать по</i>)	

Как видно из таблицы, это меньшая часть списка «околопролативных» контекстов. Эти контексты в нанайском языке поделены между аккузативом (который, как мы видели выше, конкурирует с локативом и в собственно пролативной зоне) и инструменталисом. Все это такие контексты, которые нельзя назвать специфичными для пролатива: оформление роли Темы и временных обстоятельств аккузативом не вызывает удивления, Цена и Средство передвижения — типологические ожидаемые периферийные употребления инструменталиса.

5. Нанайский локатив в лативных и элативных контекстах

5.1. Лативные контексты

Как было сказано выше, локатив, помимо роли Путь, маркирует в нанайском языке также роль Цели (лативное употребление). Это употребление развито — причем часто значительно сильнее — и в других тунгусских языках и выше предположительно описывается как появляющееся на более ранней стадии диахронического развития, чем пролативное.

Дефолтный маркер Цели в нанайском языке — латив на *-č'i*, а также конструкция с послелогом *bāroni*. При некоторых глаголах Цель может оформляться также винительным падежом *-wa*. С глаголами типа *клать* (роль, которая может концептуализоваться как Цель или Место) используется также эссивный падеж *-do*.

Примечание. Приводимые ниже данные по разным типам Ориентиров и локализаций получены для обоих типов ситуаций — собственно ситуаций перемещения типа *приходить* и ситуаций типа *клать*. Существенной разницы в возможности оформления локативом между ними на первый взгляд не обнаруживается, однако последовательной проверки не проводилось. То же касается элативных контекстов — с ситуациями перемещения типа *уходить* и ситуациями типа *брать*. Учитывая, с одной стороны, что аргументы глаголов *брать* и *клать* могут оформляться в нанайском языке эссивным падежом (т. е. осмысляться как Место), а с другой — что локативный падеж связан в том числе и с эссивной семантикой, здесь могло бы быть полезно более тщательное исследование.

Ниже проверено, какие лативные контексты допускают в качестве основного или возможного показателя локатив (элицитация, 4 носителя найхинского говора, с. Найхин; 2 носителя горинского говора, с. Кондон).

В качестве дефолтного варианта или, как минимум, допустимого локатив выбирался в контексте с локализацией INTER, Цель — плотная среда (ситуации внедрения, проникновения типа *вбить гвоздь в стену*):

(48) *pažeran-dola tukkam-bə pačela-o*
стена-LOC гвоздь-ACC бить-IMP
'Забей гвоздь в стену!' (элицит.).

(49) *Ləkə nā-la / nā-č'i t̄-xə-ni*
стрела земля-LOC / земля-LAT войти-PST-3SG
'Стрела вонзилась в землю' (элицит.).

В качестве возможного варианта локатив указывался в следующих контекстах.

1) Локализация IN, Цель — контейнер, который может концептуализоваться как отверстие (*в сеть, в нору*):

(50) *Soli jəru-č'i-i / ^{OK}jəru-lə-i* *ī-xə-ni*
 лиса нора-LAT-REFL.SG / нора-LOC-REFL.SG войти-PST-3SG
 ‘Лиса залезла в нору’ (элицит.).

2) Цель — название места:

а) При глаголе *ese-* ‘достигать’ (и его дериватах), локализация — дефолтная для данного объекта (*добраться до дома, дойти до реки*):

(51) *Mī Kondon-dola ese-xam-bi*
 я Кондон-LOC добраться-PST-1SG
 ‘Я доехал до Кондона’ (элицит.).

б) В текстах Аврорина (записи 30-х—40-х гг.) локатив — наряду с дативом — стабильно встречается также при глаголе *xā-* ‘пристать (к берегу)’, см. п. 6. Семантическую Роль, выражаемую при этом глаголе, следует, видимо, трактовать как промежуточную между Целью и Местом. С современными носителями этот глагол не проверялся.

(52) *Elan dāi ogda ej toj-la xā-xan*
 три большой лодка этот берег-LOC причалить-PST
 ‘Три большие лодки причалили к этому берегу’ (тексты [Аврорин 1986: 97]).

в) Для наиболее частотных глаголов перемещения *ənə-* ‘идти, уходить’ и *ži-* ‘приходить’ современные носители запрещали употребление локатива. При этом в более ранних записях такие примеры встречаются (и упоминаются в [Аврорин 1959: 181; Аврорин 1981: 174]), ср.:

(53) *Min-dulə jəŋgur ži-ži oseni, mī n'oam-ba-ni sea-žam-bi*
 я-LOC волк прийти-NPST если я он-ACC-3SG есть-FUT-1SG
 ‘Если ко мне придет волк, я его сам съем’ (пример из сказки, приводимый в [Аврорин 1981: 174]).

Сконструированные примеры и естественные примеры такого рода (в частности, приведенный выше) некоторые носители оценивали не как полностью неприемлемые, а как «приемлемые, но архаичные», «встречающиеся в фольклоре, но невозможные в живой речи» и под.

5.2. Элативные контексты

Иногда локатив в нанайском языке оказывается возможен, наоборот, при оформлении симметричной Цели роли **Источника** (Исходного пункта) или близкой к Источнику роли (**элативное** употребление). Это более неожиданная для данного падежа функция: среди основных употреблений локатива в других тунгусских языках элативных не отмечается. Основной показатель элатива в нанайском — падеж *-žiaži*⁸.

Так же, как и для роли Цели, для роли Источника были последовательно проверены разные контексты с точки зрения возможности употребления в них локативного падежа (элицитация, 3 носителя найхинского говора, 2 носителя горинского говора).

I. В качестве дефолтного варианта (как минимум одним носителем) локатив был выбран в следующих контекстах.

1) Локализация INTER, Источник — плотная среда (*червяк выполз из яблока, выдернуть гвоздь из стены*):

(54) *Amtaka-la kolan niə-xə-ni*
 яблоко-LOC червяк выходить-PST-3SG
 ‘Из яблока выполз червяк’ (элицит.).

2) Локализация IN, Источник — мягкие контейнеры-мешки (*из мешка, из кармана*):

(55) *Karman-dola žaxa-wa žap-u!*
 карман-LOC деньги-ACC взять-IMP
 ‘Достань деньги из кармана!’ (элицит.).

⁸ В найхинском говоре используется также краткий вариант *-žia*. В горинском говоре — также (видимо, заимствованный из эвенкийского) показатель *-doki*.

3) Локализация IN, Источник — контейнер-отверстие (*уйти из сети, вылезти из норы*):

(56) *Soli jəru-lə niə-gu-xə-ni*
 лиса нора-LOC выйти-REP-PST-3SG
 ‘Лиса вылезла из норы’ (элицит.).

4) Ситуации отделения (внутренней или внешней) части от целого (*сорвать ягоду с дерева, вырвать прут из корзины, оторвать рукав от платья, вырвать язык изо рта*):

(57) *Tətuə-lə xuəksə-wə-ni lap tata-ro*
 одежда-LOC рукав-ACC-3SG цап тянуть-IMP
 ‘Оторви рукав от халата’ (элицит.).

(58) *Koŋsa-la saktu-kəm ač-u*
 корзина-LOC прут-DIM.ACC извлечь-IMP
 ‘Вырви из корзины прут’ (элицит.).

Перечисленные контексты вряд ли можно считать прототипическими элативными, так что важно пояснить, что во всех из них носителями принимался также и специализированный показатель элатива.

II. В качестве возможного варианта локатив, наряду с элативом, указанным как основной вариант, допускался в следующих контекстах.

1) Локализация IN, Источник — а) помещения (*из дома, из амбара, из комнаты*), б) твердые контейнеры-коробки (*из корзины, из лодки, изо рта*), в) также локализация INTER, Источник — жидкая среда (*вынуть мясо из супа*):

(59) *Singərə takto-la agbin-ki-ni*
 мышь амбар-LOC появиться-PST-3SG
 ‘Мышь вылезла из амбара’ (элицит.).

(60) *Amtaka-wa koŋsa-la žar-u!*
 ягода-ACC корзина-LOC взять-IMP
 ‘Возьми ягоды из корзины’ (элицит.).

2) Локализация ON — только в случае, когда ситуация предполагает фазу движения по поверхности Ориентира. Так, носителями принимался контекст *слезть с крыши*, но не *взять со стола*:

(61) *Naonžokan gujčə-lə xulun-ki-ni*
 мальчик крыша-LOC сойти-PST-3SG
 ‘Мальчик слез с крыши’.

Примечание. В текстах встретилось также (но с носителями не проверялось) элативное употребление с локализацией POST, ‘из-за’ (но не APUD!):

(62) *ogda čeankan-dola kutūriə agbin-ki-ni*
 лодка мыс-LOC медленно.с.поднятым.носом появиться-PST-3SG
 ‘Лодка медленно появилась из-за мыса с задранном кверху носом’ (пример из словаря [Оненко 1980: 235]).

Локализация Траектора APUD невозможна: тенденция локатива к оформлению именно ин-элативных контекстов отчетливо осознается носителями, ср. оценку следующих примеров:

(63) *Вид ogda-žiažia-pu / *ogda-la-pu xangesi ən-u*
 наш лодка-ELAT-1PL / *boat-LOC-1PL прочь идти-IMP
 {Не стой около нашей лодки!} ‘Отойди от нашей лодки!’ (элицит.) {комментарий: *ogda-la-pu* = #‘отойди из нашей лодки’}.

Ср. также разницу в переводе носителем следующих сконструированных примеров — с элативным показателем и с локативом:

(64) *Puŋku-wə koŋsa-žia žar-u!*
 платок-ACC корзина-ELAT взять-IMP
 ‘Возьми платок из корзины / с корзины’ (элицит.).

(65) *Puŋku-wə koŋsa-la žar-u!*
 платок-ACC корзина-LOC взять-IMP
 ‘Возьми платок из корзины / *с корзины’ (элицит.).

5.3. Лативные и элативные контексты: симметрия и асимметрия

Таким образом, видно, что Цель и Источник проявляют с точки зрения возможности выражения локативом достаточно — предположительно неслучайных — сходств, но при этом и не полностью симметричны. См. сводную *Таблицу 5*.

Таблица 5

Локатив как маркер Цели и Источника в нанайском языке

	Цель	Источник
INTER, плотная среда (ситуации внедрения/извлечения)	+ ⁹	+
IN, контейнеры-отверстия (<i>нора, сеть</i>)	ОК	ОК
названия мест	ОК (глагол <i>ese-</i> ‘достигать’; ??? другие глаголы)	*
присоединение/отделение части	*	+
IN, контейнеры-мешки (<i>мешок, карман</i>)	*	+
IN, контейнеры-коробки (<i>корзина</i>)	*	ОК
IN, помещения (<i>дом, комната</i>)	*	ОК
INTER, жидкая среда	*	ОК
ON, поверхности (<i>крыша</i>)	*	+ / –
POST (‘за / из-за X’)	*	(+)

Симметрия между лативными и элативными контекстами может служить своего рода тестом. Для контекстов, которые и в случае Цели, и в случае Источника выражаются локативом, естественно предположить, что дело вообще не в их ролевой семантике. На чисто лативные / чисто элативные контексты стоит обратить более пристальное внимание.

1. Контексты, общие для Цели и Источника

В эту группу попадают а) контексты локализации INTER с Ориентиром-плотной средой (ситуации внедрения и извлечения) и б) контексты локализации IN с контейнером-отверстием: *забить / вытащить из стены* и *забраться / выбраться из норы*. Про них (особенно это очевидно для контейнеров-отверстий) можно считать, что это просто контексты, объективно допускающие две возможные концептуализации. Они описывают такие ситуации, которые содержат две фазы — окончание (или, соответственно, начало) движения внутри ориентира и предшествующее (последующее) движение сквозь ориентир. В зависимости от того, какая фаза в большей степени акцентируется, они могут интерпретироваться как лативные (или, соответственно, элативные) и как пролативные. Для нанайского языка, поскольку имеет место конкуренция со специализированным лативным / элативным падежом, видимо, доступны обе. Но в том случае, когда выбирается локатив, можно считать, что интерпретация просто пролативная.

Примечание. Возможность оформляться лативом/элативом (как контейнер) или пролативом (как отверстие или среда) может быть идиосинкратически задана для конкретного существительного. Так, например, для слова *pāwa-* ‘окно’ в контексте ‘смотреть в окно’ характерно оформление локативом, а латив запрещается (по крайней мере некоторыми) носителями, в контексте же точно такого же отверстия *sin-* ‘прорубь’ допустим лативный падеж:

(66) *əm sin-du əm soleka xujgu-ji, sin-či geda-ra*
 один прорубь-ESS один лиса хвост-REFL прорубь-LAT сунуть-CVBNSIM
žikə oja-wa-ni pumburə-j-ni
 лед на-ACC-3SG валяться-NPST-3SG

‘У одной проруби какая-то лисичка сидит: опустила свой хвост в прорубь и катается по льду’ (тексты [Аврорин 1986: 70]).

Можно предположить, что жесткость (но не характер) выбора между лативом / элативом и локативом коррелирует со степенью конвенционализации соответствующего контекста.

2. *Контексты, специфичные для Источника*, — это контексты с локализацией IN и разными видами контейнеров, среди которых особо выделяются мягкие контейнеры-мешки. Для Цели симметричные данным употреблению отвергаются носителями (*вылезти из амбара*, но не *залезть в амбар*, *вынуть из корзины*, но не *положить в корзину*). Поскольку в других тунгусских языках элативных употреблений

⁹ Расшифровка помет: «+» — указывается носителями в качестве дефолтного варианта («+/-» — с дополнительными ограничениями), «ОК» — признается в качестве допустимого варианта, «*» — не признается.

не наблюдается, остается предположить, что в нанайском они возникают как новообразование и, вероятнее всего, из центрального значения нанайского локатива — пролативного. Каким же образом? Можно считать их логическим продолжением семантического развития, намеченного в предыдущем абзаце для контекстов типа *вылезти из норы = через нору*. Там как пролативные оформляются ситуации, содержащие как элативную, так и пролативную семантику. А тут куда более очевидные контексты Источника также получают возможность осмысляться как пролативные: *вынуть из мешка = вынуть (протацив) через мешок*. Связь с пролативной семантикой (хотя и меньшая, чем в предыдущем случае, где она усиливалась самим типом Ориентира) сохраняется через локализацию IN, которая предполагает фазу движения внутри Ориентира или как минимум преодоление его границы. Следующим этапом такого семантического развития могло бы стать распространение локатива на все элативные контексты независимо от локализации (чего в нанайском, однако, не происходит). Интересно, почему аналогичного семантического сдвига не наблюдается для лативных контекстов. Неоднократно обсуждалось, что Цель и Источник вообще часто ведут себя в языке асимметрично с самых разных точек зрения (см. [Kegami 1987; Stefanowitsch, Rohde 2004; Lakusta, Landau 2005; Regier, Zheng 2007] и мн. др.)¹⁰. В данном случае дело, видимо, в том, что две фазы ин-элативной / ин-лативной ситуации — начало / конец движения (лативная / элативная фаза) и движение сквозь объект и / или его границу (пролативная фаза) — по-разному расположены во времени. Для ин-латива первой идет «пролативная» фаза, а затем лативная; для элатива — первой элативная, а затем «пролативная». Таким образом, для ин-элатива пролативная фаза оказывается ближе к моменту наблюдения и в определенном смысле нагляднее. С этим могут быть связаны факты, наблюдаемые в нанайском языке: элативные контексты легче втягиваются в пролативный круг, чем «обратные» им лативные (при том что лативная семантика уже имеется у локативного падежа), именно за счет этой чисто логической асимметрии.

Похожее объяснение можно предложить для упомянутых выше случаев локализации POST («промежуточный пункт» — сам Ориентир) и ON («маршрут» — поверхность Ориентира).

Еще одна группа употреблений — это контексты, связанные с отношениями Части — Целого: отделение Части. Это на самом деле не вполне ситуация пространственного перемещения, и ее аргументы не обязаны оформляться аналогично аргументам ситуации типа *идти*, как в русском. Можно допустить, что для семантики локатива важно отношение Части — Целого в большей степени, чем то пространственное перемещение, которое его сопровождает. И ключевой семантический компонент тут — наличие **контакта** между Целым и Частью (или Ориентиром и Траектором, если продолжать рассматривать эту ситуацию в пространственных терминах). Этот компонент значения локатива уже упоминался применительно к лативным употреблениям локатива (причем не только в нанайском языке) и применительно к пролативным. Здесь также можно еще раз упомянуть употребления типа *ударить по чему-то, держать за что-то*, отнесенные выше к непространственным околпролативным (п. 4) и также акцентирующие семантику контакта. Нельзя однозначно сказать, когда на основе какого из основных значений локатива возникает употребление в контексте присоединения / отделения, но оно, по крайней мере, семантически вполне встраивается в круг его употреблений и не задействует при этом ролевую семантику Цели и Источника. Не вполне понятно также, почему аналогичным образом не оформляются симметричные данным «лативные» ситуации присоединения типа *пришить*. Можно объяснить это так же, как и для ин-лативной / ин-элативной ситуаций выше: тем фактом, что в случае отделения фаза контакта предшествует во времени фазе движения.

3. Контекст, специфичный для Цели, — это, как уже упоминалось выше, оформление аргумента глагола *ese-* ‘достигать, добираться до’ и его производных (69).

Тут важно пояснить, что с локативом в этом употреблении конкурирует не только обычный для выражения Цели лативный падеж *-či* (68), но и винительный падеж (69) или неоформленное имя (70), т. е. глагол *ese-* является «А-лабильным», что нетипично в целом для нанайских глаголов движения, и роль Цели при нем особая, способная осмысляться как Объект.

(67) *Aoŋga-la-i* *ese-go-rā...*
шалаш-LOC-REFL.SG добраться-REP-CVBNSIM
‘Добрался до своего зимника...’ (тексты [Аврорин 1986: 229]) — локатив.

(68) *Mān-či* *ese-do-a-ni*
себя-LAT добраться-ESS-OBL-3SG
‘Когда тот добрался до него...’ (тексты [Аврорин 1986: 231]) — латив.

¹⁰ Отметим при этом, что чаще всего (в т. ч. в процитированных работах) обсуждаются факты, связанные с так или иначе проявляемой большей выделенностью роли Цели по сравнению с ролью Источника (т. н. goal bias, goal-over-source principle), здесь же мы имеем дело с асимметрией иного рода.

(69) *Kərdəngu dā-wa-ni ese-i-či*

Кэрдэнгу устье-ACC-3SG добраться-NPST-3PL

‘Доехали до устья реки Кэрдэнгу’ (тексты [Аврорин 1986: 230]) — аккузатив.

(70) *Aoŋga-i ese-go-i aldan-do-a-ni*

шалаш-REFL.SG добраться-DEST-REFL.SG период-ESS-OBL-3SG

‘Пока добрался до своего зимника...’ (тексты [Аврорин 1986: 232]) — неоформленное имя в объектной позиции¹¹.

Важна и семантика глагола *ese-* (которая и обеспечивает указанное синтаксическое поведение): это все то же значение обязательного **контакта** с Ориентиром, упоминавшееся как релевантное для лативных употреблений локатива во всех тунгусо-маньчжурских языках. Таким образом, выбор именно этого глагола неслучаен.

Такое лативное употребление локатива можно считать для нанайского языка рудиментарным, хотя частотность глагола *ese-* обеспечивает ему достаточную устойчивость (см., однако, некоторые текстовые данные ниже в п. 6). Об этом говорит, в частности, оценка информантами «лативных» примеров с некоторыми другими глаголами как архаичных.

6. Употребления нанайского локатива: данные текстов

Если в предыдущих трех разделах мы, касаясь нестандартных употреблений локатива (п. 4) и редких в целом пролативных контекстов (п. 3), опирались преимущественно на данные элицитации, то ниже в дополнение к ним приводится очень неполная, но тем не менее показательная картина реального употребления локатива в текстах.

Первое, что бросается в глаза при обращении к текстам, — это очень низкая частота употребления (token-frequency) локативного падежа в современном нанайском языке. Из *Таблицы 6*, сопоставляющей в этом отношении локатив с другими пространственными падежами, видно, что он значительно уступает по частотности эссивному падежу (повышенную частотность которого можно, впрочем, отчасти объяснить его употреблениями за пределами пространственной зоны как дативного показателя) и лативному. Что касается элатива, то по своей употребительности локатив его даже слегка превосходит, однако здесь следует отметить, что элатив, в отличие от локатива (и от всех остальных пространственных падежей), не употребляется с очень частотным классом послелогов. Если сопоставить количество употреблений элативной формы с количеством приименных употреблений локатива, а не с общим, то окажется, что последнее примерно в два раза меньше. Таким образом, локативный падеж действительно оказывается в нанайском языке самым низкочастотным из всех пространственных.

Таблица 6

Частотность пространственных падежей в нанайском языке (тексты 2012—2013 гг.¹²)

	число употреблений	комментарий
локатив <i>-la</i>	47 (при существительных — 18)	с существительными и послелогоми
латив <i>-či</i>	130	с существительными и послелогоми
эссив <i>-do</i>	283	с существительными и послелогоми, включая непространственные (дативные) употребления
элатив <i>-ži(a)(ži)</i>	40	используется практически исключительно с существительными

Эту асимметрию проще всего объяснить тем фактом, что Путь в принципе кодируется в языке реже, чем более центральные семантические роли Цели, Места и Источника (а Источник, в свою очередь, реже, чем Цель, см. [Stefanowitsch, Rohde 2005]). Это объяснение может быть верным только при условии, что пролативная функция является центральной для локатива не только с точки зрения сочетаемостных возможностей и разнообразия выражаемых семантических оттенков (как было показано выше), но и с частотной точки зрения.

В *Таблице 7* представлено распределение этих 18 примеров на локатив по значениям (столбец 1). Пролативные (если включать близкие к ним непространственные, см. п. 5) составляют 8 из них (44%). Поскольку эти цифры слишком малы для детального анализа, к ним добавлены аналогичные цифры для

¹¹ Примеры намеренно взяты из одного и того же текста.

¹² Тексты собраны в ходе экспедиций в Хабаровский край и аннотированы С. А. Оскольской и автором, найхинский говор, сказки, автобиографические истории, ок. 8 000 слов.

текстов из сборника фольклора В. А. Аврорина [Аврорин 1986] (суммарное распределение по значениям в столбце 3). Процент пролативных употреблений по суммарному количеству текстов оказывается даже выше — 41 из 70 (59%). Это очень много, учитывая что в принципе, см. выше, эссивные и лативные контексты в тексте объективно частотнее пролативных.

Таблица 7

Разные типы употреблений локатива в нанайских текстах¹³

тип	тексты 2012—2013 гг.	тексты, собранные В. А. Аврориным в 1941, 1948 гг. ¹⁴	все тексты
Путь			
Цель	17% (3)	27% (14)	24% (17)
Место (при пространственных именах)	39% (7)	9% (5)	17% (12)
Пролатив+ (непространственные)	16% (3)	29% (15)	26% (18)
Путь и Пролатив+	44% (8)	64% (33)	59% (41)
всего	100% (18, ок. 2250 ipm)	100% (52, ок. 5800 ipm)	100% (70)

Таблица 7 позволяет сделать еще ряд наблюдений. Если сравнить данные текстов, записанных в 2010-х годах (пусть и очень немногочисленные), с данными текстов, записанных в 40-х гг. XX в. (столбцы 2 и 3)¹⁵, то можно отметить некоторые микродиахронические сдвиги в употреблении локативного падежа. Прежде всего, общее число употреблений локатива заметно сокращается (5800 ipm > 2250 ipm). Стабильным (с точки зрения числа употреблений на единицу текста) при этом остается число «застывших» эссивных употреблений при пространственных именах (что достаточно естественно). Число как лативных, так и пролативных употреблений уменьшается. Для пролативных (и близких к ним непространственных) употреблений это, как кажется, проще всего объяснить просто общим «обеднением» языка текстов по социолингвистическим причинам: современный нанайский, в отличие от нанайского сер. XX в., находится в очевидно угрожаемом положении. Для лативных же употреблений объяснение скорее системное: глагол *ese-* ‘достигать, добираться’, при котором зафиксировано большинство лативных употреблений локатива, относится к самым частотным и употребляется в современных текстах не менее активно. Но — как в текстах Аврорина, так и в современных — наряду с локативом, его аргумент-Цель могут оформлять также аккузатив и латив *-çi*. Видимо, тенденция состоит в постепенном вытеснении локатива из этой сферы: в рассматриваемых текстах 2010-х гг. из 18-ти вхождений этого глагола с локативом употреблены всего 3, причем все употребления из одного и того же текста (записанного от одного из самых пожилых носителей).

В Таблице 8 для рассмотренных текстов Аврорина (в которых форма локатива более частотна) в дополнение приводятся более детальные, чем в Таблице 7, данные по распределению значений (в частности, отдельно даны разные подзначения пролатива, разные типы непространственных употреблений). Можно заметить, что среди пролативных употреблений в значении Маршрут всего два и оба — не в центральных контекстах типа *идти по дороге*.

Таблица 8

Разные типы употреблений локатива в нанайских текстах В. А. Аврорина: более детальная картина

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель	8	только при глаголе <i>ese-</i> ‘достигать’: <i>шли-шли и дошли до X</i>
Место	5	напр., <i>solela</i> — ниже по течению, <i>boala</i> — на улице, <i>gorola</i> — вдалеке

¹³ В этой и следующей таблице представлены данные только по употреблением существительных в форме локатива: не учитывались упомянутые выше (и очень частотные) формы послелогов и (наоборот, низкочастотные, но встречавшиеся) формы причастий в функции предиката зависимой клаузы (при которых падежные показатели служат для выражения временных или логических отношений между главной и зависимой клаузами).

¹⁴ Тексты из сборника нанайского фольклора [Аврорин 1986]: найхинский говор, сказки 13—25, ок. 9000 слов.

¹⁵ Объем текстов примерно одинаков, жанры и тематика сопоставимы, говор один и тот же.

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель/Место	6	только при глаголе <i>xā-</i> ‘причаливать’ (5), при глаголе <i>tu-</i> ‘падать’ (1)
Пролатив+: Точка приложения	9	<i>ударить по чему-то, клонуть во что-то, попасть чем-то куда-то...</i>
Пролатив+: Стандарт	2	<i>величиной с X</i>
Пролатив+: Признак	2	<i>узнать, найти по X</i>
Пролатив+: Обменный эквивалент	1	<i>попросила платой за что-то (что-то плата-LOC-POSS)</i>
Пролатив+: Координатив	1	<i>поступать по чьей-то воле</i>
Путь/Место (Сцена?)	2	<i>поскребла в зад, поширила в очаге</i>
Путь: Отверстие, Проход	12	<i>напр.: вылезла через дымоход</i>
Путь: Маршрут	2	<i>кататься с горы, прошла вот тут</i>
Путь: Среда	1	<i>прошла сквозь пол</i>
Путь: Множество (между)	1	<i>проскочила между ног у людей</i>
всего	52	

7. Локатив в бикинском диалекте нанайского языка

Выше обсуждался материал амурских говоров нанайского языка (найхинского и горинского). В этом разделе вкратце представим в дополнение данные (на данный момент практически вымершего) бикинского диалекта (Приморский край) — разновидности нанайского языка, довольно сильно отстоящей от прочих. Как кажется, в этом диалекте развитие локативного показателя шло по заметно иному сценарию. В *Таблице 9* показан круг употреблений локатива в бикинском диалекте, выявленный по текстам, опубликованным в [Сем 1976], с количеством вхождений по каждому типу.

Таблица 9

Локатив в бикинском диалекте нанайского языка (тексты из [Сем 1976], ок. 3000 слов)

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель при глаголах движения	24	<i>прийти/пойти/подойти/войти... куда-то/к кому-то, дойти до...</i>
Цель при глаголах внедрения	2	<i>нырнуть в, воткнуть в</i>
Место	3	только с пространственными именами
Цель/Место	3	<i>класть куда-то/где-то</i>
? Путь/Место	1	<i>ковырять в зубах</i>
всего	33 (ок. 11000 ipm)	

Из таблицы видно, что локатив в бикинском диалекте, во-первых, значительно частотнее. Во-вторых, набор его функций хотя и схож с обсуждавшимся выше, но не во всех деталях.

Очевидных примеров на пролативное значение нам не встретилось. Единственный контекст, который можно было бы трактовать как достаточно близкий к пролативному (но при этом также и к эссивному, и к лативному), следующий:

- (71) *Solaki un-ži-ni: xuktə-lə-i čiki-mda-guma*
 лиса говорить-NPST-3SG зуб-LOC-REFL.SG ковырять.в.зубах-PURP-HORT
 ‘Лиса говорит: давайте поковыряем в зубах’ (тексты [Сем 1976: 118]).

В лативной же функции локатив употребляется куда шире, чем в амурском диалекте: лативное употребление встречается при самых разных глаголах движения и составляет 73% от всех вхождений локатива. В примере (72) локатив оформляет аргумент глагола *ənə-* ‘идти, уходить’:

- (72) *əs'=tə ənə-xə amon-dola mukə ome-nda-m'ə ənə-xə*
 теперь=же идти-PST озеро-LOC вода пить-PURP-CVBSIM идти-PST
 ‘И тотчас пошел к озеру пить воду’ (тексты [Сем 1976: 117]).

Более того, локатив оказывается основным падежным маркером роли Цель. Лативный падеж *-či* упоминается среди прочих падежей в кратком описании бикинского диалекта [Сем 1976: 39—42] (с комментарием о том, что функции падежей не отличаются от соответствующих в стандартном нанай-

ском), однако в тех же текстах он не встречается вовсе, за исключением употреблений при послелогох и пространственных именах типа (73):

(73) *takto do-če-a-ni* ‘в амбар’ (амбар внутри-LAT-OBL-3SG), *bā-či* ‘на улицу’

Эссивные же употребления локатива в бикинском диалекте ничем не отличаются от аналогичных в амурском, это застывшие употребления при пространственных именах:

(74) *Naj bā-la mərə-i: nai osemi bā-či ī-gu-i*
 человек снаружи-LOC кричать-NPST человек если снаружи-LAT входить-DEST-REFL.SG
 ‘А на улице кто-то кричит: «Если ты человек, выйди на улицу!»’ (тексты [Сем 1976: 123]).

Таким образом, картину полисемии локатива, наблюдаемую в бикинском диалекте, можно считать в чем-то более «архаичной», а в чем-то альтернативной вышеописанной: пролативное значение у него полноценно так и не развивается, лативное же не исчезает, а, наоборот, оказывается самым экспансивным. Отметим, что бикинский диалект, во-первых, кажется более архаичным и в некоторых других фрагментах системы, а во-вторых, находился в непосредственном контакте с удэгейским языком. Бикинский локатив находится по своим характеристикам как раз где-то между удэгейским и наблюдаемым в амурских говорах нанайского: 1) как и в амурских говорах, но в отличие от удэгейского, эссивная функция в нем рудиментарна; 2) как и в удэгейском, но в отличие от амурских говоров, пролативная не- / недоразвита; 3) лативная функция, в отличие и от амурских говоров (где она обнаруживает тенденцию к постепенному исчезновению), и от удэгейского (где она продуктивна и конкурирует со специализированным показателем), оказывается очень продуктивной, и локатив становится основным выразителем этой функции.

8. Заключение

Таким образом, картина, наблюдаемая в нанайском языке, вполне укладывается в предложенный в работе диахронический сценарий семантической эволюции локативного падежа, в соответствии с которым исходными его значениями признаются эссивное (которое может отмирать на более поздней стадии) и лативное, а инновационным — пролативное.

Нанайские данные позволяют проследить исчезновение у локатива эссивного значения, постепенное вытеснение лативного и утверждение пролатива в качестве основного значения показателя. Обнаруживается также ряд независимых фактов, свидетельствующих в пользу развития пролативного значения локатива скорее из лативного, чем из эссивного употребления.

Пролативные употребления локатива покрывают значения Прохода (*через трубу*) и Маршрута (*по дороге*), но не (или, по крайней мере, в значительно меньшей степени) Сцены (*гулять по лесу*), что кажется типологически не самой тривиальной комбинацией.

У локатива в нанайском языке наблюдается ряд непространственных употреблений, типологически характерных для пролативных показателей, что свидетельствует о достаточно раннем появлении и достаточно стабильном положении в системе современного нанайского языка. Кроме того у него наблюдается ряд элативных или близких к таковым употреблений, которые также можно трактовать как развившиеся из пролативных.

Мы предлагаем считать «семантической доминантой» локативного падежа в нанайском языке (и, возможно, в тунгусских языках в целом), значение контакта Траектора с Ориентиром. Этот абстрактный семантический компонент сохраняется у него на всех этапах семантического развития. Аппелируя к нему, можно объяснить 1) характер его лативных употреблений и их связь с пролативными, 2) полисемию, наблюдаемую у него внутри пролативной зоны, 3) развитие у него околоэлативных употреблений, а также 4) наличие у него особого класса употреблений, связанных с отношением Целого / Части.

Сокращения

Глоссы

ACC — аккузатив	DIM — диминутив
CVBCOND — условное деепричастие	ELAT — элатив
CVBNSIM — одновременное деепричастие	ESS — эссив
CVBSIM — одновременное деепричастие	FUT — будущее время
DEST — дестинатив	HORT — гортатив

IMP — императив	PL — множественное число
IMPS — имперсонал	PST — прошедшее время
INCH — инхоатив	PURP — показатель движения с целью
INS — инструменталис	REFL — рефлексив
IPFV — имперфектив	REP — рефактив
LAT — латив	RES — результатив
LOC — локатив (падеж на <i>-la</i>)	SG — единственное число
NPST — непрошедшее время	VBLZ — вербализатор
OBL — косвенный падеж	1 — первое лицо
PART — частица	2 — второе лицо
PFV — перфектив	3 — третье лицо

Общие

букв. — буквально	ТМЯ — тунгусо-маньчжурские языки
нек. — некоторые	элицит. — элицитированный
ОК — пример был одобрен носителем при элицитации	ipm — items per million (число вхождений на миллион)
с. — село	

Литература

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.—Л., 1959. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 1. M.—L., 1959.}
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.—Л., 1961. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 2. M.—L., 1961.}
- Аврорин 1981 — Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981. {Avrorin V. A. Syntactic studies of the Nanai language. L., 1981.}
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986. {Avrorin V. A. Information on the Nanai language and folklore. L., 1986.}
- Аврорин 2000 — Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000. {Avrorin V. A. Grammar of Manchu written language. Saint Petersburg, 2000.}
- Василевич 1960 — Василевич Г. О. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1960, 2. С. 43—49. {Vasilevich G. O. Revisiting the classification of Manchu-Tungus languages. // Voprosy jazykoznanija. 1960, 2. P. 43—49.}
- Ганенков 2002 — Ганенков Д. С. Типология падежных значений: Семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений / Ред. Плузьян В. А. М., 2002. С. 35—56. {Ganenkov D. S. Typology of the case semantics: Semantic area of the prolativ case // Studies in grammar theory. Vol. 2. Grammaticalisation of spatial meanings / Ed. Plungian V. A. M., 2002.}
- Киле 1981 — Киле Н. Б. Значение и употребление местного падежа в нанайском языке // Языки и фольклор народов севера. Новосибирск, 1981. С. 26—32. {Kile N. B. Meaning and usage of the local case in the Nanai language // Languages and folklore of the peoples of the North. Novosibirsk, 1981. P. 26—32.}
- Новикова 1960 — Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. М.—Л., 1960. {Novikova K. A. Essays on the dialects of the Even language: Ola parlance. M.—L., 1960.}
- Оненко 1980 — Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980. {Onenko S. N. Nanai-Russian dictionary. M., 1980.}
- Петрова 1967 — Петрова Т. И. Язык ороков. М., 1967. {Petrova T. I. Language of the Orok people. M., 1967.}
- Плузьян, Рахилина 1996 — Плузьян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: Предлоги «через» и «сквозь» // Русистика сегодня. 1996, 3. С. 1—17. {Plungian V. A., Rakhilina E. V. Polysemy of the function words: prepositions “over” and “through” // Russian studies today. 1996, 3. P. 1—17.}
- Сем 1976 — Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский диалект. Л., 1976. {Sem L. I. Essays on the dialects of the Nanai language: Bikin dialect. L., 1976.}
- Суник 1982 — Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982. {Sunik O. P. Noun in Manchu-Tungus languages. L., 1982.}
- Цинциус 1948 — Цинциус В. И. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948, 7 (6). С. 518—526. {Tsintsius V. I. Problems of a comparative grammar of Manchu-Tungus languages // USSR AS Bulletin. Literature and language department. 1948, 7 (6). P. 518—526.}
- Цинциус 1949 — Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. {Tsintsius V. I. Comparative Phonetics of Manchu-Tungus languages. L., 1949.}

- Цинциус 1982 — *Цинциус В. И.* Негидальский язык. Л., 1982. {*Tsintsius V. I.* The Negidal language. L., 1982.}
- Benzing 1955 — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955.
- Brucalè, Mocchiari 2011 — *Brucalè L., Mocchiari E.* Continuity and discontinuity in the semantics of the Latin preposition *per*: A cognitive hypothesis // STUF — Language Typology and Universals. 2011, 64 (2). P. 148—169.
- Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N., Grenoble L.* Evenki. (= Languages of the world, 141.) München, 1999.
- Creissels 2006 — *Creissels D.* Encoding the distinction between location, source, and destination / Eds. *Hickmann M., Robert S.* Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories. Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 19—28.
- Doerfer 1978 — *Doerfer G.* Classification problems of Tungus // *Tungusica*. Vol. 1 / Eds. *Doerfer G., Weiers M.* Wiesbaden, 1978. P. 1—26.
- Georg 2004 — *Georg S.* Unreclassifying Tungusic // Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies / Eds. *Naeher C. et al.* Wiesbaden, 2004. P. 45—58.
- Grenoble 2013 — *Grenoble L.* Spatial semantics, case and relator nouns in Evenki // Typology of Languages of Europe and Northern and Central Asia / Eds. *Suihkonen P., Whaley L. J.* Amsterdam, 2013. P. 109—132.
- Haspelmath 2008 — *Haspelmath M.* Terminology of case // Handbook of Case / Eds. *Malchukov A., Spencer A.* Oxford, 2008. P. 505—517.
- Ikegami 1987 — *Ikegami J.* Source vs. Goal: A Case of Linguistic Dissymmetry // Concepts of Case / Eds. *Driven R., Raggen G.* Tuebingen, 1987. P. 122—146.
- Lakusta, Landau 2005 — *Lakusta L., Landau B.* Starting at the end: The importance of goals in spatial language // *Cognition*. 2005, 96. P. 1—33.
- Malchukov 1995 — *Malchukov A. L.* Even. (= Languages of the World, 12). München, 1995.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — *Nikolaeva I., Tolskaya M.* A Grammar of Udihe. Berlin, 2001.
- Noonan 2008 — *Noonan M.* Patterns of development, patterns of syncretism of relational morphology in the Bodic languages // The Role of Semantics and Pragmatics in the Development of Case / Eds. *Bardal J., Cheliah Sh.* Amsterdam, 2008. P. 261—282.
- Pantcheva 2010 — *Pantcheva M.* The syntactic structure of Locations, Goals and Sources // *Linguistics*. 2010, 48 (5). P. 1043—1081.
- Regier, Zheng 2007 — *Regier T., Zheng M.* Attention to Endpoints: A Cross-Linguistic Constraint on Spatial Meaning // *Cognitive Science*. 2007, 31 (4). P. 705—719.
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *Stefanowitsch A., Rohde A.* The goal bias in the encoding of motion events // Studies in linguistic motivation / Eds. *Radden G., Panther K. U.* Berlin, 2004. P. 250—267.
- Vovin 1993 — *Vovin A.* Towards a new classification of Tungusic languages // *Ural-Altische Jahrbücher*, 65. P. 99—113.
- Whaley et al. 1999 — *Whaley L., Grenoble L., Li F.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // *Language*. 1999, 75. P. 286—321.

РЕЗЮМЕ

В тунгусо-маньчжурских языках есть т. н. «локативный» падеж на *-la*. Он обычно многозначен, и круг его пространственных значений варьирует по языкам; во всех своих употреблениях он, как правило, конкурирует с соответствующими специализированными падежами. В разных тунгусо-маньчжурских языках он может маркировать: а) место (эссив), б) цель движения (латив), в) путь (пролатив). В статье рассматриваются семантические связи между этими значениями, а также предлагается возможный диахронический сценарий для локативного падежа: от исходного кластера эссивного и лативного значений — к более позднему пролативному. В работе подробно рассмотрены данные нанайского языка, в котором основным значением *-la* оказывается как раз пролативное, но в той или иной мере присутствуют и оба других. Таким образом, материал нанайского языка позволяет проследить семантические сдвиги в употреблениях *-la* на «микроуровне», а также сделать некоторые уточнения о категории пролатива в типологической перспективе. Семантическим компонентом, центральным для локативного падежа в разных его употреблениях и позволяющим объяснить его полисемию, в работе предлагается считать компонент контакта траектора с ориентиром.

SUMMARY

The Tungusic languages have the so called “locative case” *-la*. It is usually polysemous; the set of its spatial meanings is quite intriguing and varies across the languages; it also tends to have no specialized function: in all its uses it competes with one of the main spatial cases to a greater or a lesser extent. *La*-case can mark a) LOCATION (essive), b) GOAL (lative), c) PATH (prolative). The paper deals with the puzzle of the meanings of the *la*-case and proposes the possible scenario of their diachronic development. This scenario suggests LOCATION+GOAL as an initial cluster of meanings and

PATH as the last stage of the semantic development of *-la*. This stage can be observed in Nanai, where the central function of *-la* is prolative whereas the other two are also attested. Thus, the data of Nanai which are considered in detail in the paper let us trace and explain the diachronic semantic shifts between the spatial meanings of the *la*-case on a micro level and to make some clarifications on the category of Prolative in a cross-linguistic perspective. The crucial notion for the polysemy of the *la*-case seems to be the CONTACT with the Trajector.

Ключевые слова: нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки, локативный падеж, эссив, латив, пролатив, падеж, грамматическая семантика

Keywords: Nanai, the Tungusic languages, locative case, essive, lative, prolative, category of case, grammar semantics

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Natalia M. Stoynova, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)